

Политолог Дмитрий Фурман – о "несостоявшемся государстве" Киргизия

Опубликовано 17.06.2010

Для описания ситуации в Киргизии, сложившейся после кровавых событий на юге страны, многие наблюдатели - в частности, оппозиционный политик Владимир Милов - применяют термин *failed state*, "несостоявшееся государство".

Действительно ли Киргизия стала первым *failed state* на пространстве СНГ? Есть ли возможность выхода из данного состояния? Об этом в интервью Радио Свобода - политолог **Дмитрий Фурман**, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

– Я думаю, что эта трактовка вполне возможна. Только не надо придавать словосочетанию "несостоявшееся государство" какое-то окончательное значение. Оно несостоявшееся здесь и сейчас; но рано или поздно, я думаю, все несостоявшиеся государства состоятся. Киргизия проходит через страшный период, но люди-то живут – и рано или поздно они самоорганизуются. Я против того, чтобы придавать этому термину характер окончательного приговора; но при таких оговорках я с данным определением согласен.

– Каков же механизм превращения несостоявшегося государства в собственно государство?

– Прежде всего для того, чтобы разобраться в этом механизме, мы должны понять, почему киргизская государственность не состоялась. Думаю, основная причина заключается в том, что нормальный для постсоветского пространства (и тем более для Центральной Азии) путь строительства постсоветского государства - построение авторитарного государства, как-то прикрывающегося, камуфлирующегося демократическими формами, – для Киргизии не подошел. Киргизская традиция очень отличается от традиций других стран – в силу прежде всего отсутствия какой-либо государственной традиции вообще. У киргизов не было государства – не только авторитарного, вообще никакого. Были очень сильные племенные, родовые и клановые связи. Это создает большие препятствия для авторитарного строительства, для попыток создать авторитарную, типичную для постсоветского пространства структуру, которые предпринимал и Акаев, и Бакиев.

– Две попытки установить авторитарное правление не получились. Почему же должно получиться с построением демократической модели?

– Совершенно справедливо: киргизское специфическое вольнолюбие и заложенные в киргизской культуре трудности для построения авторитарного государства не означают готовности к демократии. Киргизы легко поднимаются против авторитарной власти, но они легко поднимаются против любой власти. Киргизы не слушаются распоряжений авторитарного начальства, но они не слушаются и законов. Невозможность построения как авторитарного, так и демократического общества и порождает эту специфическую теперешнюю ситуацию *failed state*.

В Киргизии идут определенные процессы, и процессы эти двойки. Как мне представляется, киргизская политическая верхушка – те люди, которые сейчас пришли к власти (а это те же самые

люди, которые в свое время свергли Акаева) – довольно многому научилась. У них сейчас значительно более ясные идеи и планы, чем в 2005 году: они придумали конституцию, с моей точки зрения – оригинальную и не имитационную; они искренне хотят жить в условия демократии. Это один процесс.

Второй процесс заключается в том, что две революции подряд окончательно расшатали в киргизском обществе любое почтение к государственным структурам. Что победит, что будет? На почве такой полной анархии, конечно, может снова возникнуть какая-то авторитарная попытка. Или все-таки сейчас временному правительству удастся, несмотря на все эти кошмарные трудности, установить демократическую конституцию? Сказать невозможно, это зависит от массы факторов, которых мы не знаем – в том числе от факторов субъективных, личных и случайных. Но надо надеяться, что все-таки удастся.

– Власти Киргизии собираются провести конституционный референдум по ранее назначенному плану - 27 июня. Насколько он может считаться легитимным после межэтнических столкновений на юге страны? Сотни тысяч граждан Киргизии сейчас – беженцы, размещенные на территории Узбекистана; и это лишь одна из проблем.

– Я не могу сейчас сказать этого. Задача невероятно сложная. Может быть, они найдут какой-то выход из этого. Но референдум, мне кажется, абсолютно необходим.

– Именно 27 июня – когда все еще свежо, когда Киргизия еще не оправится от межэтнических столкновений?

– Я не берусь сейчас сказать. Все-таки мы сидим здесь, а они – там, они знают эту ситуацию значительно лучше, чем мы, и представляют себе все эти возможные последствия. Я не решаюсь из Москвы, издали говорить о возможности или невозможности этого референдума.

– На чем все же основывается ваш оптимизм в плане того, что failed state превратится в настоящее государство?

– На том, что сейчас киргизская политическая верхушка усвоила уроки 2005 года и всего предшествующего киргизского развития довольно основательно: по-моему, у нее есть действительно искреннее и серьезное желание построить в Киргизии демократическое общество. Кроме того, мне кажется, что тот кошмар, через который сейчас проходят жители Киргизии, тоже, в конечном счете, может стать каким-то отрезвляющим фактором: вот этого не должно повториться, нужно начать с чистого листа, надо как-то иначе жить и строить и государство, и жизнь. Я уверен, что после некоторого успокоения такие чувства обязательно будут ощущаться не только верхушкой, но и большими слоями киргизского населения. Это дает какое-то основание для надежды.